

«ПОРТРЕТЫ» М. АЛДАНОВА В ОЦЕНКАХ КРИТИКИ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

У статті осмислюються відгуки критиків і літературознавців на «Портрети» М. Алданова. Показано, що цей маловідомий цикл письменника досі викликає труднощі інтерпретації, спонукає звертатись до його історичної концепції та контексту його творчості.

Ключові слова: історична концепція, цикл, портрет, нарис.

В статтє осмысляются отклики критиков и литературоведов на «Портреты» М. Алданова. Показано, что этот малоизвестный цикл писателя и по сей день вызывает трудности интерпретации, побуждает обращаться к его исторической концепции и контексту его творчества.

Ключевые слова: историческая концепция, цикл, портрет, очерк.

The article deals with critics' references to M. Aldanov's "Portraits". It has been shown that this little known cycle of the writer causes interpretation difficulties up till now; it induces to turn to his historical conception and the context of his creative work.

Key words: historical conception, cycle, portrait, outline.

«В русском зарубежье 1920-1930-х гг. ни один писатель не пользовался такой исключительной популярностью, как Алданов» [1: 494], – так начинает свою заключительную статью «Четыре грани таланта Марка Алданова» А. Чернышев, известный исследователь его творчества. Известно, что произведения М. Алданова были популярными в среде эмигрантов, его книги продавались с большим тиражом, и это позволило ему полностью посвятить себя литературному творчеству, не прибегая к дополнительным заработкам. Марк Слоним в статье в пражском журнале «Воля России» писал о том, что М. Алданов по складу своего дарования был, прежде всего, публицистом. Он отмечал хорошие аналитические способности М. Алданова, умение найти связь между историческими явлениями и понять их смысл: он «очень умен, остр и образован» [2: 47]. Г. Газданов в воспоминаниях «Загадка Алданова» также отмечал «исключительный дар историка и литератора одновременно», говоря, что политические портреты написаны с несравненным искусством [3: 78]. «Портреты» представлялись современникам важной частью наследия писателя.

А. Романенко, рассматривая романы писателя, не обошел вниманием и его биографические очерки. Он отмечал, что портреты написаны «легким и острым пером, живые и содержат определенную, даже немалую, фактическую информацию» [1: 7]. Он говорил, что портреты перепечатывались газетами всего мира, «сделав имя Алданова популярным и среди широкого читателя, и среди профессиональных политологов» [4: 7]. Согласно А. Чернышеву, вторую половину своей жизни писатель занимался «вечным подвижническим литературным трудом». Его литературное наследие – это почти сорок томов, где писатель представил «четыре грани» своего таланта – «романист, создатель философи-

ской повести, мастер короткого рассказа, очеркист, но, кроме того, он писал пьесы и киносценарии, рецензии и статьи» [1: 495]. Между тем и по сей день «Портреты» остаются, в сущности, вне поля зрения исследователей. Не выяснена их жанровая природа, не установлено место этого цикла в творчестве писателя. Целью данной статьи является осмысление откликов современников на «Портреты» и суждений литературоведов, обратившихся к этому циклу, что позволит охарактеризовать состояние изученности проблемы, показать аспекты, еще требующие исследования.

В полное собрание биографических портретов М. Алданова – в двухтомник под названием «Портреты» – вошло 40 портретов и философский трактат «Ульмская ночь», представляющий собой три философских диалога о роли случая в истории человечества. Большая часть портретов М. Алданова посвящена таким знаменитым людям, как Сталин, Гитлер, Бриан, Пилсудский, Ганди, Мата Хари и другие. А. Чернышев, говоря о портретах М. Алданова, полагал, что уже сам «выбор действующих лиц <...> обрекал очерки на успех» [1: 501]. Многие из них были переведены на все главные европейские языки. Портреты увлекательны и интересны, в них автор рассуждает о связи времен, неизменности человеческих стремлений, о тщетности успеха и славы [1: 502].

Отличительной особенностью Алданова как портретиста было обращение к огромному количеству источников и материалов, к которым он обращался при создании очерков. Временной охват впечатляет своим размахом – от Робеспьера до Сталина. В изображении выдающихся личностей XVIII – XX вв. писателю помогло его историческое образование и скрупулезная работа, которую он проделал в архивах. Многие из выдающихся людей, которым посвящены очерки, – это «люди необычной судьбы, полузабытые в наши дни, но сыгравшие важную роль в событиях» [1: 502]. А. Чернышев в статье «М. А. Алданов – критик» отмечал, что жанр очерка «соответствовал его склонности к политико-философским обобщениям» [2: 47]. М. Алданов доказывал, что «подлинные события и люди обычно не уступают в яркости красок придуманным» [2: 47]. Кроме того, А. Чернышев подчеркивает проницательность и дальновидность писателя, ведь М. Алданов смог совершенно точно раскрыть сущность и оценить потенциал двух диктаторов – Сталина и Гитлера. Окончание его очерка «Гитлер» действительно заканчивается пророческой фразой: «И не сегодня-завтра он, чего доброго, подожжет мир. Это делали и менее могущественные люди: ведь поджег его однажды восемнадцатилетний гимназист Принцип» [5: 155]. М. Алданов очень умело пользуется историческим документом, применяет «сладкую» цитату, как ее назвал А. Чернышев, для того, чтобы передать дух и «аромат» давней исторической эпохи. Его портреты ироничны и остроумны, стиль изложения одновременно прост и увлекателен.

А. Чернышев предложил свою типологию героев «Портретов»: он разделил героев их на три типа. К первому и излюбленному типу относятся герои, которые «судят о событиях со стороны, отказываясь принимать в них участие» [1: 502]. Ко второму типу исследователь отнес «симпатичных посредственностей <...> более низкого пошиба, мечтающих об успехе и карьере» [1: 503]. Третий тип – это реальные исторические деятели и знаменитые люди. Все они изображены с иронией, ведь все, во что они верили и чему посвящали себя по прошествии времени стало ненужным и утратило смысл, или наоборот стало предметом общественного преклонения, признания, но другие люди «осуществили их замыслы в таком обезображенном, уродливом виде, что лучше бы этим замыслам

и не сбыться» [1: 503]. Эти три типа героев в полной мере отразились в «Истоках» и «Могилах воина», однако тенденции и предпочтения М. Алданова прослеживаются и в «Портретах». Главная мысль «Портретов» состоит в том, что человек бессилен перед «потоком исторических событий, тщетностью исторических деяний» [1: 506]. Главным действующим лицом истории, согласно М. Алданову, является «Его Величество Случай». А. Кизеветтер отмечал, что «основной стихией человеческого существования Алданов считал то, что может быть названо иронией судьбы» [1: 177]. Как в романах, так и в портретах писатель несколько раз «переходил от ничтожных происшествий к громким историческим событиям и обратно» [1: 177]. Историк приходит к выводу о том, что обычные и великие люди в одинаковой степени подвергаются и испытывают на себе иронию судьбы, и задается вопросом – почему так происходит и каков замысел писателя. А. Кизеветтер полагает, что так случается «только затем, чтобы и тех и других привести в конце концов к одному знаменателю – на положение осенних листьев, которые крутятся, сталкиваются и исчезают, подхватываемые жизненным вихрем...» [1: 177]. Более полное и обстоятельное представление о мировоззрении М. Алданова дает трактат «Улымская ночь». А. Чернышев среди прочих достоинств и мастерства портретиста выделяет «необыкновенную выразительность» финалов очерков, как например в «Азефе» или «Генерале Пишегрю против Наполеона» [1: 506].

Успех М. Алданова как романиста и портретиста объясняется удачным совмещением русской и западноевропейской традиций «с ее “проклятыми вопросами”, стремлением найти высшие нравственные ценности» и занимательностью сюжета, изяществом слога и психологических характеристик, умелым построением сюжета [1: 506-507]. Известный русский критик Ю. Айхенвальд также высоко оценил вклад М. Алданова как эссеиста в русскую литературу. Он утверждал, что портретист «приобрел умело и удачно русскую литературу к жанру, не очень к ней развитому, придав красивый отпечаток европеизма и культурности» [4: 7]. Отличительной особенностью М. Алданова как портретиста является понимание и интерпретация истории с его позиции, большое количество цитат, вводных фраз, реминисценций и аллюзий.

Отдельная тема, общая для большинства портретов М. Алданова – это место России в европейской истории. В статье В. Агеносова и Н. Выгона «Ум резкий, сильный, насмешливый» со ссылкой на воспоминания Г. Кузнецова («Грасский дневник») говорится о том, что М. Алданов «категорически не принимал распространенное среди значительной части эмиграции мнение, что “на Западе все было по-светлому, а у нас было рабство, дикость”» [6: 173]. М. Алданов всегда подчеркивал одаренность русского народа и величие России. Даже описывая жизненный путь или отдельный момент в жизни своего героя, писатель вводит его в российский исторический контекст. Вне зависимости от того, какое место занял тот или иной герой его портрета в мировой истории, для М. Алданова основной интерес представляла сама личность исторической фигуры. Таким образом, М. Алданов «утвердил свой интерес к человеку, а не его месту в исторической иерархии» [6: 174]. М. Карпович, проводя параллели между М. Алдановым, Л. Толстым и А. Франсом, замечал, что история «подается не в ее “парадный” аспект, а в ее «человеческом, слишком человеческом» обличье. Писателя интересует история не в мировом масштабе, а применимо к человеческой судьбе и тому, как она на ней отражается. В этом

вопросе мнение М. Карповича разделяли В. Агеносов и Н. Выгон: «...выбор в качестве повествователя обычного человека восходит к пушкинской традиции изображения истории “домашним образом”» [6: 174].

М. Алданов считал Л. Толстого своим учителем. В. Агеносов и В. Выгон полагали, что М. Алданов разделял его взгляды на историю и человека «сквозь призму философии и морали». Как и его учитель, М. Алданов искал в прошлом «созвучное современности и вечное» [6: 179]. Авторы статьи усматривают сходство двух писателей в том, что они старались показать, прежде всего, внутренний мир своих героев и стремились к такому размещению их в пространстве, «при котором они объясняли бы эпоху и эпоха объясняла их» [6: 179]. Примечательно то, что М. Алданов, охвативший в своих произведениях почти два века, менее подробно останавливается на периоде войн 1805 – 1814 годов и декабризме. А. Романенко, автор вступительной статьи «О романах Марка Алданова», высказал интересное предположение о том, что писатель «...по-видимому, не пожелал соперничать с “Войной и миром”...» [4: 7]. Однако это не коснулось очерков М. Алданова. Этой эпохе посвящены такие портреты, как «Ольга Жеребцова», «Сперанский и декабристы», «Адам Чарторыйский в России», «Поездка Новосильцева» и многие другие.

Современник М. Алданова, Г. Адамович, также принадлежал к числу тех, кто смог разглядеть и по достоинству оценить «особый, редкий дар» писателя. В статье «Одиночество и свобода» он утверждал, что М. Алданов «как бы непрерывно заполняет пустоты в читательском сознании, ни на минуту его не отпуская, но при этом нисколько его не утомляя» [7: 53]. Эту мысль подтверждают и его «Портреты». Они живые, увлекательные и интеллектуальные, рассчитаны на эрудированного читателя. В них присутствует множество замечаний, сравнений, ассоциаций, воспоминаний и рассуждений писателя. Г. Адамович отмечает, что в произведениях М. Алданова «нет фразы для фразы» и примечательно его вежливое, предупредительное отношение к читателю, которое с годами только усилилось [7: 53].

Современники писателя и литературоведы наших дней, таким образом, определяли идейно-художественную специфику «Портретов» писателя в связи с другими сторонами его творчества. В центре их откликов и исследований оказалась его историческая концепция, выбор героя, интерпретация известных исторических событий и следование традиции – пушкинской и толстовской. Вместе с тем, и по сей день вне поля зрения исследователей остается жанровая природа произведений, составивших этот цикл, а также выявление средств и способов, с помощью которых М. Алданов дает, в сущности, глубоко субъективное толкование исторических событий и личностей. До сих пор не прояснено и значение, которое «Портреты» имели для развития русской биографики. Эти проблемы все еще требуют своего изучения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чернышев А. Четыре грани таланта Марка Алданова / А. Чернышев. // Алданов М.А. Истоки: Избранные произведения: в 2 т. – М.: изд-во «Дружба народов», 1991. – Т. 2. – С. 494 – 507.
2. Чернышев А. М. А. Алданов – критик / А. Чернышев // Литературное обозрение. 1994. № 7 – 8. С. 47 – 79

3. Газданов Г. Загадка Алданова / Гайто Газданов // Литературное обозрение. – 1994. – № 7 – 8. – С. 77 – 79
4. Романенко А. О романах Марка Алданова /А. Романенко // Алданов М. Девятое термидора. Чертов мост. – М.: изд-во «Правда», 1989. – С. 3-27.
5. Алданов М. Портреты: В 2 т. / Марк Алданов. – М.: «Захаров», 2007. – Т. 2. – 640 с.
6. Агеносов В.В. Выгон Н. Марк Алданов. «Ум резкий, сильный, насмешливый» // В.В. Агеносов. Литература русского зарубежья (1918-1996) / В.В. Агеносов. – М.: ТЕРРА, Спорт, 1998. – С. 171 – 191.
7. Адамович Г. Одиночество и свобода / Георгий Адамович [Сост., авт. предисл. и прим. В. Крейд]. – М.: Республика, 1996. – 447 с.

УДК 808

Кротенко Е.В.
(Тбилиси, Грузия)

КОНЦЕПТ «ДЖАЗ» В СЕМИОТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ ТЕКСТА НОВЕЛЛЫ «ПЕРВОЕ МАЯ» (Ф.С.Фицджеральд)

В данной статье предпринята попытка системного анализа концепта «джаз» в новелле Ф.С.Фицджеральда «Первое мая», определены его некоторые лингвоконцептологические аспекты, вербальные и невербальные слои структуры текста, которые формируют такое сложное понятие как «джазовый рассказ», намечены пути дальнейшего анализа концепта «джаз» в сопоставлении с другими концептами американского молодежного джазового дискурса начала XX века.

Ключевые слова: концепт «джаз», концептосфера, городской текст.

In the article we are making an attempt to analyze concept “jazz” on the basis of F. Scott Fitzgerald’s novel “May Day”. We have observed some lingua conceptual aspects, verbal and nonverbal, the text structure that forms the complex concept for “jazz novel”. We have marked out the way of analyzing the concept “jazz” in comparison to other concepts of the jazz discourse related to American youth at the beginning of the 20th century.

Key words: concept “jazz”, sphere of concepts, urban text.

В этой новелле Фицджеральда явственнее, чем в других новеллах сборника «Сказки Века Джаза» заявлена джазовость в ее полифункциональном значении. Джазовость – явление многоаспектное, стилистика джаза и его функционирование в разных видах массовой культуры оказали существенное влияние на формирование нового молодежного языка общения, получившего в дальнейшем определение «джазовый сленг». Новые стилистические и композиционные приемы ранних произведений Фицджеральда